

Раздел 1. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РКИ

УДК 811.161.1'246.3:272

Г. Ю. Богданович

ОБ АССОЦИАТИВНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Основной категорией лингвокультурологии, являющейся **объектом** нашего исследования, по мнению В. М. Шаклеина, признается лингвокультурная ситуация. Лингвокультурная ситуация — “совокупность языков и связанных с ними культур в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования и в рамках определенного временного среза” [1].

Следует признать существенно влияющими на лингвокультурную ситуацию такие факторы, как языковая политика, наука, структура образования, социально-политические условия и экономические условия, складывающиеся длительное время межэтнические отношения. Показательными в этом отношении следует признать этические концепты, свидетельствующие об определенной языковой компетенции общества. Изучение этих вопросов сегодня следует считать **актуальным**.

“Философия языка” в её обыденном преломлении также способна дать любопытную информацию о психологии, а иногда и о мифологии полов.

Например, ассоциативный тезаурус с его установкой на выявление образа мыслей, наивной языковой картины мира русских и черт их национального характера, представленный в уникальном Ассоциативном тезаурусе современного русского языка, который является словарем [2], принципиально отличающимся от первого Словаря ассоциативных норм русского языка под редакцией А. А. Леонтьева [3] как по своей структуре, так и по качественному наполнению. Этот Словарь представляет собой, по словам его составителей, “алгоритмически сконструированный лингвистический объект, являющийся одним из возможных способов представления языка” [2, 1: 6]. Об удобстве изучения ассоциативных норм писал А. А. Леонтьев, справедливо отмечая, что ассоциативные нормы, во-первых, дают результаты не избирательного, а массового эксперимента, позволяя их использовать как источник уникальной лингвисти-

ческой и паралингвистической информации. Благодаря своей статистической “благонадежности”, во-вторых, ассоциативные нормы легко поддаются математической обработке, являясь уникальным материалом для выдвижения и проверки статистических гипотез. В-третьих, важно, что ассоциативные нормы дают в очень удобной форме специфический для данного языка и культуры “ассоциативный профиль” лексических единиц и помогают “выявить” ассоциативное значение слова [3, с.10].

По выражению Н. В. Уфимцевой, ассоциативный словарь является “отпечатком” вербальной памяти человека, и фрагментом образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов. С помощью тезауруса открывается возможность определить “круг понятий, наиболее важный для современного русского языкового сознания, т. е. для образа мира современных русских” [4, с.141].

По существу, ассоциативные поля, образующие корпус такого словаря, можно рассматривать “как обозначение культурно заданных границ понятия, в пределах которого оперирует индивидуальное сознание говорящего” [5, с.183]. Изучая и анализируя ассоциативные поля и поле, полученное от отдельного индивида, можно судить о содержании каждого индивидуального сознания.

Если считать, что ассоциативное поле — отображение языкового сознания носителя языка, то оно может указывать как на форму, так и на способы хранения образов языкового сознания [2, 1:262]. Таким образом, Ассоциативный тезаурус предлагает своего рода систему интуитивных представлений о реальности, об окружающем нас мире.

Н. В. Уфимцева полагает, что принципиальное различие ассоциативного тезауруса и традиционных лингвистических словарей, а главное — его принципиальная ценность — это то, что словари, которые составляются филологами, как правило, являются описанием “индивидуального лингвистического” языкового сознания, в то время как тезаурус является “одним из возможных способов описания “коллективного обыденного” языкового сознания реальных носителей языка и, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии” [5, с.182].

Основные положения работы. Моделирование вербальной социальной памяти как одна из задач словаря — это, по сути, и моделирование гендерных отношений в обществе. Достаточно проанализировать в этом направлении реакцию на ряд стимулов.

Реакция на стимул *женский* (приводим в сокращении): вопрос, характер, ум, крик, стиль, визг, возраст, глупый, губы, джемпер, зад, запах, кошачий, красота, любовь, мозг, ноль, парфюмерный, презерватив, разговор, сапог, слабость, пуловер, слеза, смех, стан, сумочка, тело, торс; на стимул *женщинам*: цветы, улыбка, уступать место; *женщиной*: пренебречь, спать, только называться. На стимул *мужчина*: женщина, сильный, высокий, интересный, крутой, лысый, джентльмен, мужественный, надёжный, биологически слабый, орёл, сволочь, хилый. Женщина означена в реакции на стимул *мучение, ложь, лошадь*.

Авторы Русского ассоциативного словаря, опубликованного в 1994-1998 году, обозначили его лексикографическую ценность как принципиально новый источник изучения языка и феномена владения языком, как базу для анализа путей формирования языкового сознания в онто- и филогенезе и формирования методологических и теоретических схем анализа языкового сознания, а также как мощный инструмент и специфическое справочное пособие для обучения русскому языку как родному, так и иностранному, как средство оптимизации процессов речевого общения при межкультурной и интеркультурной коммуникации [2, 1: 5].

Составители Ассоциативного словаря рассматривают его как “модель речевых знаний носителей языка, представленных в виде АВС, позволяющей объяснить феномен владения языком и служащей — наряду с текстовым и системным — способом представления русского языка” [2, 1: 6]. При этом АВС — это новый способ репрезентации языка, объединяющий его текстовую и системную формы.

Рассматривая АВС как определенную совокупность знаний речевого коллектива, складывающуюся из суммы знаний его носителей. Ю. Н. Караулов условно подразделяет эти знания на три вида: внеязыковые (экстралингвистические), воссоздающие мозаичную картину мира усредненного носителя языка; диалоговые знания, отражающие языковое сознание носителей и содержащие элементы рефлексии по поводу языка, культуры, так как в реакциях часто содержится оценка понятиям, событиям и типовым ситуациям русской действительности, т. е. проявления языкового сознания в АВС; интуитивные знания носителей языка, касательно устройства самого языка, его поуровневой структуры, т. е. отражение грамматического строя и словарного состава языка [2, 1: 194-212].

Авторы “Русского ассоциативного словаря”, опубликованного в 1994-1998 году [2], квалифицировали его как “выход в будущее сознание” (испытуемыми были студенты различных вузов, которые “в ближайшие 30 лет будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества”, — говорится в Предисловии). Наступившее “будущее сознание”, как кажется, только увеличило пейоративность словесных ассоциаций мужчин и женщин по отношению друг к другу.

Мужчины и женщины постоянно ищут друг друга. Перечень требований (желаний) в брачных объявлениях — своеобразный социальный и психологический синопсис, весьма показательный и в гендерном отношении.

Авторы-мужчины ищут женщин *симпатичных, привлекательных, чистоплотных, заботливых, не склонных к полноте и без вредных привычек, реже — спортивных, активных* и совсем редко — *независимых, готовых поспорить* и под. Модель такого рода мужского сознания сатирически заострённо представлена в газетном заголовке: “Подвижная, грудастая, ногастая и с юмором. Самостоятельных мужчины любят меньше всего” (Век. №10. 1998). Явно на биологические мужские предпочтения настроен призыв, помещённый над входом в кафе, расположенное на берегу моря (г. Алушта): “Полезная пища, безумные танцы, сногшибательные коктейли, длинные ноги”.

Содержание частных объявлений подтверждает различия в картине мира мужчин и женщин. Для мужчин релевантными оказались такие характеристики женских объявлений: конкретность, подробное перечисление качеств, которыми обладает гипотетическая партнёрша, наличие эмоционального призыва к установлению контакта, указание на приоритетность семьи. Нерелевантны для мужчин мистические образцы, символы, туманные завышенные ожидания женщин [6; 7; 8]. Проявляя признаки “наивной картины мира”, частные брачные объявления свидетельствуют о том, что современные мужчины и женщины в основном не стремятся к сложным отношениям. Современная рыночная среда, резко разделившая общество на очень богатых и очень бедных, стимулировала и относительно новый для постсоветского времени тип отношений между мужчиной и женщиной — предоставление женщиной всех услуг мужчине на его условиях. Системный анализ дискурсов, манифестирующих новые типы отношений, позволит выявить гендерные признаки в изменившейся картине мира.

Гендерная маркированность дискурсивной деятельности сомнений не вызывает. Достаточно четко она проявляется в употреблении словесных формул речевого этикета, в этических концептах.

В проведенном нами лингвосоциопсихологическом эксперименте приняли участие 203 жителя Крыма, представляющих различные национальности (украинцы, греки, русские, армяне, крымские татары, белорусы, болгары и др.), возрастные группы (от 16 до 68 лет), мужчин и женщин неодинакового образовательного статуса.

Реципиентам был предложен ряд этических концептов (без употребления термина): *счастье, долг, судьба, милосердие, родина, правда, ложь, вина, воля, личность, душа*, — которым, во-первых, нужно было дать толкование; во-вторых, соединить с другими словами по ближайшей ассоциации (см. раздел 2.4). Причем из предложенного списка следовало рассмотреть 3-5 стимулов (на выбор).

Основные выводы. Наиболее значимыми для женщин явились концепты *семья, долг, счастье, деньги, милосердие, судьба, родина, личность*. Для мужчин (в равной мере) — *долг, семья, счастье, родина, судьба*.

Концепт *семья* в вербализации женщин всех возрастных групп представляет собой: жизнь; дом, дети; мама, папа, брат, сестра; дружба и благополучие; общность людей, связанных родственными связями; самое дорогое; святое; успех; очень много значит в моей жизни; душевное спокойствие, понимание и любовь; близкие люди, которые много значат друг для друга; взаимоуважение, доверие, взаимопонимание; любящий муж, дети, мир в доме.

Мужчины менее многословны, однако этот концепт следует считать одним из важных для лиц сильного пола: жизнь человека и наследие; взаимопонимание; святое; главное в жизни; дом, дети, родители, жена; дети — наше будущее; союз двух людей.

Но, пожалуй, наиболее значимым для мужчин следует считать концепт *долг* (в ассоциативном представлении наших реципиентов): обязанность перед кем-либо (семья, работа); святая обязанность; выполнение обязанностей; ответственный поступок; работа; если не мы, то кто же; твердое решение

стоять за что-нибудь до конца; перед семьей; надо вернуть; денежный.

Для лиц женского пола *долг* — понятие возвышенное. Ассоциативный план представлен словами и словосочетаниями: обязанность перед кем-либо (семья, работа); каждый человек должен заботиться о ком-то; мой долг — вырастить нормального сына; надо; ответственный поступок; совесть; честь; работа; то, что обязан сделать.

Женский ассоциативный тезаурус “счастья”: чувство удовлетворения; любовь внутреннего и окружающего мира; везение; понятие относительное; миг; благополучие; душевное спокойствие; понимание и любовь; полный душевный комфорт; радость, благополучие, здоровье; когда тебе хорошо, достаток.

И хотя для мужчин “счастье” оказывается значимым концептом, вербализация его оказывается более прагматичной, приземленной, конкретной, неэмоциональной: ощущение, что все хорошо; состояние, которого хочешь достигнуть; радость; не делать другому больно; быть любимым, денежным, без проблем; семья; любимая жена и работа.

В ассоциативном представлении мужчин “родина” является одним из значимых концептов и вербализуется философски: всё и все, что помогло тебе стать тобой; умереть можно за то, что стоит жить; страна, где ты живешь; отсутствует; место, где родился и вырос человек; это всё: одна и не может быть другой.

Женский вариант ассоциативного представления также неэмоционален: страна, в которой ты родился и которую любишь; место рождения; где я родилась и выросла — г. Самарканд; дом; мать; земля предков; радость; должны быть ее патриотами; отечество; страна, где мы — люди; уважение, равенство; родной дом.

И мужчины, и женщины верят в судьбу, поэтому неслучайно концепт *судьба* оказался значимым. В ассоциативном представлении женщин: жизнь; мы сами строим свою судьбу, хотя многое от нас не зависит; то, что начертано человеку свыше; от нее не уйдешь; карма; рок; участь; фатум; предназначение.

Мужчины как всегда менее эмоциональны: плохая шутка; предопределенность; путь человека; мы сами строим; то, что начертано человеку свыше; написанная на лбу; жизнь.

Для женщин важными представляются получившие вербализацию концепты *деньги*, *милосердие*, *личность*. Женщина всегда стремилась быть независимой, поэтому интерес к концептам *личность*, *деньги* явно оправдан. Ассоциативный тезаурус *личности* “нацелен” на сильного индивидуума: характер; индивидуальность; интересная; особа; безупречная ситуация; человек; человек, имеющий мозги и характер; уважение; неординарность мышления. *Личность* является значимым концептом у женщин 20-40 лет. (Ср. ассоциативный тезаурус концепта *личность* у мужчин: сильная; воля; я).

Деньги женщинами ассоциируются так: это не все, но многое; возможности; грязь; важность; ключ ко всем дверям; необходимый атрибут жизни; бумажки, без которых невозможно жить; власть; средство для независимости; самодостаточность. Мужчины намного конкретнее и категоричнее, деньги для обративших внимание на этот стимул: здоровье, проблемы; пепел; фактор; нужны постоянно.

Свойственная женщине мягкость, заботливость, сострадание нашли свое отражение в вербализации концепта “милосердие”, являющегося значимым для наших реципиентов разного возраста: помогать всему живому; оказание помощи; помощь; сострадание; сочувствие, жалость; совесть; доброга; великое чувство: снисходительность, сочувствие; творить добро; умение разделить горе, несчастье. (Ср. ассоциативную концептосферу *милосердие* у мужчин: жалость; слабость; пройденный этап; бескорыстная помощь; сострадание).

Гендерно маркированная концептосфера женщин, безусловно, богаче.

Литература

1. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. — М. Общество любителей российской словесности, 1997. — 184 с.
2. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Помовский и партнеры, 1994-1998.
3. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — 192 с.
4. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самосознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания, — М., 2000. — С.139-163.
5. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. — Харьков; М.: Изд. группа “РА-Каравелла”, 2001. — 320 с.
6. Адрианова Е. А. Восприятие брачных объявлений как проблема лингвокультурологии (на материале пилотажного исследования) // Новейшие направления лингвистики. Международная школа-семинар. — Пенза-Москва, 1999. — С. 9-13.
7. Гайдай В. В. Факторы привлекательности объявлений о знакомстве // Культура общения и ее формирование. Материалы V региональной научно-методической конференции. — Воронеж: ВГУ, 1998.- С. 17-19.
8. Синельникова Л. Н., Богданович Г. Ю. Введение в лингвистическую гендерологию (материалы к спецкурсу). — Симферополь, 2001. — 40 с.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2004 г.

УДК 81'33

С. С. Дикарева, Ю. В. Пигарев, Н. А. Голубец

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ WEB-ДИДАКТИКИ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КУРСОВ

В статье рассматриваются основные принципы использования Web-технологий в системе современного образования, описывается концепция информа-